

НОВЫЙ ИСТОРИЗМ И ШЕКСПИРОВЕДЕНИЕ СЕГОДНЯ: ЭКСКУРС В ТЕОРИЮ И ПРАКТИКУ ИСТОРИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННЫХ БИОГРАФИЙ У. ШЕКСПИРА

NEW HISTORICISM AND SHAKESPEAREAN STUDIES TODAY

Н.С. Зелезинская

N. Zelezinskaya

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarus State University

Minsk, Belarus

e-mail: zelennew@tut.by

В данной статье приводится краткий обзор биографий У. Шекспира, созданных под влиянием идей нового историзма. Статья предлагает базовую информацию о новом историзме как методе и выявляет преимущества и недостатки использования этого метода при написании биографии. Отдельное внимание уделяется новейшим биографиям, написанным с осознанием инструментария нового историзма, но в преодолении его ограничений.

Ключевые слова: новый историзм; Шекспир; биография.

The article considers Shakespeare's biographies created under the influence of New Historicism. It outlines the main issues, development, merits and demerits of New Historicism from the point of view of biographical genre. The article focuses on the newest biographies which overcome the narrow frame of the method but used the instruments of New Historicism.

Keywords: New Historicism; Shakespeare; biography.

Исследователя шекспировского канона в XXI веке неизбежно накрывают две волны: шекспировский вопрос и новый историзм. Новый историзм предъявил тезис об историчности текста и текстуальности истории и рассматривал произведения с данной позиции, т.е. воспринимал историю как текст, а текст считал одним из исторических фактов. Заявленная однородность исторических и литературных объектов исследования позволила литературоведам обратиться к предметно-бытовому аспекту культуры и разомкнуть границы литературоведческого анализа. Как красиво определяет А. Эткинд, «новый историзм – история не событий, но людей и текстов в их отношении друг к другу. Его методология сочетает три компонента: интертекстуальный анализ, который размывает границы текста, связывая его с многообразием других текстов, его предшественников и последователей; дискурсивный анализ, который размывает границы жанра, реконструируя прошлое как единый, многоструйный поток текстов; и наконец, биографический анализ,

который размыкает границы жизни, связывая ее с дискурсами и текстами, среди которых она проходит и которые она продуцирует» [13].

Стивен Гринблатт, основатель и теоретик нового историзма, избрал аренной практического приложения творческого потенциала эпоху Возрождения, Задачей С. Гринблатта и его единомышленников стало «разговорить саму реальность», как метко обобщил Х. Уайт [22, р. 2]. И первый сборник 1982 г., и программный коллективный сборник 1989 г. под редакцией Г.А. Визера, и работы самого Гринблатта, особенно «Формирование «Я» в эпоху Ренессанса: от Мора до Шекспира» 1980 г. (“Renaissance Self-Fashioning: From More to Shakespeare” [17]) и «Шекспир на переговорах. Распределение социальной энергии в ренессансной Англии» 1988 г. (“Shakespearean Negotiations: The Circulation of Social Energy in Renaissance England” [18]) вызвали необыкновенный энтузиазм, рожденный свежим подходом к литературным исследованиям, переосмыслением приевшихся трактовок, огромным потенциалом, заложенным в необозримом количестве исторических трудов, астрологических предсказаний, завещаний, законов, личной переписки и т.д.: «Я отлично помню электризирующий эффект от прочтения книги Стивена Гринблатта с ее захватывающим дух поиском места, занимаемого Шекспиром в интеллектуальной вселенной его времени. Работа Гринблатта явилась мощным противоядием отупляющим дискуссиям о Шекспире, запомнившимся со школы» [5, р. 51]. Вслед за Гринблаттом методом нового историзма были написаны работы П. Брауна, П. Альперса, С. Альперс, С. Оргела, Т. Лакера, Л. Ханта, многочисленные «новоисторические» статьи других авторов в журналах “Critical Inquiry”, “Diacritics”, “Genders”, “Representations” и “Shakespeare Quarterly”, позже широко известные книги «Практикуя новый историзм» Катерины Галлагер и Стивена Гринблатта [16], «Читая Шекспира исторически» Лизы Жардин [19].

Конечно, новый историзм не вдруг обнаружил, что у Шекспира были соседи, которые писали письма, судились, строили дома, богатели и нищали. Еще в 1888 г. Н.И. Стороженко отмечал в предисловии к русскоязычному изданию книги немецкого шекспироведа М. Коха наблюдения такого рода, только метод называл по-другому: «Выходящая в русском переводе книга магдебургского профессора Макса Коха занимает особое положение в обширной шекспировской литературе. Это, сколь нам известно, единственная биография Шекспира, в которой строго проведена культурно-историческая точка зрения» [6, с. I]. Георгий Брандес в 1895 г. бытописал шекспировскую биографию: описывал убранство домов, режим дня, костюмы, вид лондонских улиц. Живописные детали помогали представить Шекспира не гением вне времени,

каким он безусловно является для нас и так, но обычным человеком XVI века, который не пользовался вилок и не курил табак [3]. А работы И.М.У. Тильярда в 1940х и С.Л. Барбера в 1950х обнаруживают сознательный интерес к выявлению «истоков индивидуального опыта личности в обстоятельствах окружающей его эпохи» [10, с. 91] задолго до появления термина нового историзма [21; 14]. Однако стоит признать, что именно новый историзм развил, стимулировал и уточнил интерес к фону литературного произведения.

Фокус на Ренессансе, естественно, пошел на пользу собственно шекспироведению. Новый исторический материал, новый ракурс и новая методология стимулировали эту область литературоведения. Обновленный интерес к Шекспиру стал причиной находок в тех вопросах, которые традиционно либо считались решенными, либо заслужили репутацию вечной лакуны. Ярчайшим примером являются работы последних десятилетий, посвященные восстановлению биографических событий т.н. «потерянных лет», исследования легенд, позволившие отказаться от привычных домыслов о браконьерстве в пользу менее предрассудочных, но, как оказалось, более доказательных версий.

К сожалению, вполне логичным результатом новоисторического метода явилось огромное количество инсинуаций на тему шекспировского вопроса. Не ограничивая себя условностями жанра, все желающие смогли выразить свое видение персоны английского барда как в художественных произведениях на тему, так и в научных работах. Совмещение литературного и исторического планов позволило антистрэтфордianцам искать и находить нестыковки в биографическом материале, добавлять свои факты в биографию и переписывать всю биографию с новыми действующими героями. Стрэтфордianцы также увлеклись культурологическими, историческими и социологическими источниками, в связи с чем им пришлось уточнять методологию исследования ради получения отчетливого литературоведческого результата.

И в периоды формирования и расцвета, и в последнее десятилетие осмысления новый историзм столкнулся с критикой, неприятием и дистанцированием многих ученых. Среди причин назывались неоправданность совмещения подобранных текстов, отсутствие четкой обоснованности выводов в рамках дисциплины, излишнее внимание к любопытным деталям быта и личной жизни автора, смещение фокуса с текста на околослитературные события и т.д.

Биографический жанр особенно ярко отразил негативные стороны нового историзма. Тенденциозное совмещение биографических данных и текстологического анализа под одной обложкой обострило одну из основных проблем биографики – допустимость интерпретации творче-

ства через биографию и наоборот. Если поиск отражения жизненных перипетий писателя в его произведениях считается обычной практикой и не подвергается сомнениям в научности и оправданности, то противоположная стратегия вызывает серьезные споры. Правила нет: решение о позволительности, возможности и степени считывания биографических фактов с творческих ресурсов каждый исследователь принимает для себя сам. Лотман считал, что «смешение этих двух типов книг – биографии автора и анализа им созданных произведений – редко приводит к удаче» [7, с. 228]. Против считывания биографии с произведений предупреждали Бахтин, Томашевский, Винокур: «Литературный текст не может рассматриваться как достоверный источник биографических сведений» [4, с. 58]. При этом практические исследования постоянно привлекают текст пьес для спекуляций на тему дискриминации Шекспиром женщин, евреев, гомосексуалистов и иностранцев. Даже серьезные шекспироведы использовали текст в качестве доказательства биографических фактов за недостатком последних, как, например, А.А. Аникст в книге «Шекспир» 1964 г. [2, с. 29-30, с. 51]. Однако редко кто доходит до той степени свободы, с какой антистрэтфордianцы выстраивают биографию автора многострадального честеровского сборника.

Надо признать, что история шекспироведения как никакая другая пристрастна к личности автора. Ближе всех к недостижимому идеалу непреложности фактов, полному отстранению биографии от пьес, сонетов и поэм подошли Чемберс и Шенбаум. Чрезвычайно долгая и успешная литературная жизнь книги Сэма Шенбаума «Шекспир» свидетельствует о приоритете доказательности над фантазиями. В основу книги С. Шенбаум положил надежность повествования: «Эта книга является документальной биографией. Этим она отличается от бесчисленных популярных книг о жизни Шекспира, где факты дополнены авторскими умозаключениями, гипотетическими реконструкциями или критическими толкованиями пьес и стихов» [12, с. 24]. Несколько дальше шекспировед поясняет, от каких популярных книг он отмежевывается, приводит в пример измышления Энтони Берджеса о двух возлюбленных Шекспира по имени Энн, появившиеся благодаря судебной описке. Непосредственно инструментарий нового историзма позволил Берджессу построить свою историю о Шекспире так занимательно [15]. Впрочем, это и было целью английского романиста. Сэм Шенбаум называет подобные толкования исторических документов вымыслом «цветистым и безвкусным» [12, с. 127] и вместо сенсационного любовного треугольника предлагает своему читателю перечень всех близжайших церквей для установления места, где был заключен брак Шекспиров [12, с. 129–131]. Примеру Шенбаума следовали многие шекспи-

роведы, в том числе советские. Так М.М. Морозов придерживался этой позиции: «Нельзя, например, из того факта, что Шекспир описал в «Укрощении строптивой» своенравную женщину, делать вывод, как это пытались делать некоторые биографы, что жена его, Анна Шекспир, отличалась своенравием» [9, с. 238]. Автор новейшей российской биографии У. Шекспира И.О. Шайтанов также считает, что биография не подкрепляется и не доказывается текстом произведений [11, с. 64], поскольку рассмотрение художественного творчества как источника биографических сведений чревато фантазиями.

Сознавая доводы критики нового историзма, нельзя не говорить о достижениях этого метода. Вместо общих формулировок, пространных очерках об экономико-политическом положении Англии, бессвязных вставных биографий знаменитых современников шекспироведы «дали эпохе говорить самой» [8, с. 6], приблизили линзу к уроженцу Стрэтфорда-на-Эйвоне, его семье и дому, лондонским приятелям и доходам, успехам, знакомым, их занятиям и свидетельствам, что положительно сказалось на глубине и привлекательности биографического жанра для читателей. Кроме того, новоисторическое стремление интерпретатора к «культурному переводу» в значительной степени позволяет нам в XXI веке понять Шекспира, который не является нашим современником, и его произведения, которые современны всегда, и приблизиться к пониманию того, как же это все-таки возможно.

Удачным примером применения опыта нового историзма, на наш взгляд, стала книга Питера Акройда «Шекспир. Биография». Английский биограф ставил себе целью развлечь читателя: уже на первой странице читатель впечатлен «растертыми заячьими мозгами, которые в Уорикшире обычай предписывал давать новорожденному» [1, с. 15], но при этом и серьезных исследователей он способен заинтересовать архивными подробностями быта, нравов, обрядов, известных далеко не каждому, как то традиционный кинжал на поясе Энн Хэтеуэй в день свадьбы, список присутствующих и процедура крещения новорожденного в Уоркшире конца XVI века, а также цитаты из произведений, в которых такой параллелизм обнаруживает дополнительные смыслы. Акройд смелее прочих оперирует цифрами: предполагает сумму, полученную от графа Саутгемптона за поэмы, [1, с. 340], указывает год первого появления в Стрэтфорде странствующих актеров и общее количество странствующих трупп. Акцент в книге расставлен на факты, предания, легенды, слухи и быт. Повествование нарочито неспешное: делу о браконьерстве автор отводит девять страниц. Шекспир П. Акройда живой, а чтение вкусно и увлекательно: «Скрип дерева и звук шагов сопровождали любое действие. Шекспировские пьесы несут безоши-

бочный отпечаток детства на Хенли-стрит (...) там есть засорившиеся печи. Коптящие лампы, там стирают, чистят, метут и смахивают пыль; много упоминается о кухне: варится. Жарится и тушится всевозможная еда, рубится мясо; попадают плохо пропеченные торты и непросеянная мука, на вертеле крутится кролик. Месят тесто» [1, с. 55].

Но надо признать, биография как жанр сопротивляется методу нового историзма, поскольку предполагает создание целостной картины жизни, что принципиально невозможно в его узких рамках. Поэтому биограф либо сознательно идет по пути создания некоторого отрезка из жизни писателя, либо выделяет несколько отрезков, которые ложатся в его интерпретацию, как это блестяще делает Джеймс Шапиро [20 и др.], либо, выбирая целостность, отказывается от метода нового историзма как основного, что не мешает использовать его как дополнительный метод. Нам кажется, биография, избегающая широкого исторического контекста, маргинальна и претендует в большинстве случаев на дополнительное чтение, а не на основной источник информации. В контексте целого пласта шекспировских биографий, существующих в Англии, и высокой степени осведомленности в этом вопросе английского читателя, биографии типа шапировских или акройдовской имеют право на существование и, более того, занимают отдельные ниши, находя благодарного (хоть и разного) читателя.

Российская биография, написанная И.О. Шайтановым, не основана на методе нового историзма, поскольку занимает, в первую очередь, позицию системного исследования и сочетает в себе крупномасштабное изображение эпохи с вниманием к деталям быта, к мелким событиям жизни, к культурной среде стрэтфордianца и лондонца Уильяма Шекспира. При этом, следуя тенденциям времени, автор не использует пафосных названий глав вроде «Эпоха», «Предшественники», как то было принято в советских учебниках, а концентрирует внимание на истории театра, особенностях театральных и литературных жанров, судьбе театральных зданий, трупп и постановок [11, с. 72–90, с. 306–314]. Однако новый историзм как исключительно влиятельное явление литературоведения XX века не могло не повлиять на любую современную биографию У. Шекспира. Из инструментов «нового историзма» в новом «Шекспире» особенно заметно постоянное видение текста в жизни, например: «Средства борьбы с чумой придумывали много – от снадобий до молитв и психологического противостояния: верили, что чума минует тех, кто весел и крепок духом. Отсюда – пир во время чумы, не метафора, а довольно частое явление» [11, с. 151]. Историко-текстологические интересы автора обнаруживают себя в объяснении объема английских слов “company”, “stage”, “theatre”, “gentle”), обилии

театральных и литературоведческих терминов, большом количестве аллюзий и цитат. И.О. Шайтанов вносит поправки к ранее неверно переведенным антропонимам и топонимам, связанным с жизнью Шекспира, начиная от возвращения к первому, более правильному варианту транскрибирования названия города «Стрэтфорд» вместо уже привычного «Стратфорд». В духе новоисторического слияния текста с историей вторая половина книги настолько плотно соединяет биографию с интерпретацией пьес, что вполне может заменить учебник по литературе Возрождения. Правда, надо отметить, что творчество как раздел шекспировской биографии хоть и необычно для западноевропейских биографий, традиционно для русских и советских. Для И.О. Шайтанова это не уход от биографии к творчеству и не поиск истории в тексте, но скорее размышление о том, «что же сделал Шекспир», чтобы создать мировые шедевры [11, с. 341]. Таким образом, можно резюмировать, что последняя российская биография Шекспира является результатом преодоления нового историзма современным литературоведением без отказа от достижений и инструментария данного метода.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Акرويد, П. Шекспир. Биография / П. Акرويد. – М.: КоЛибри, 2010. – 734 с.
2. Аникст, А.А. Шекспир / А.А. Аникст // Жизнь замечательных людей. – Москва: Молодая гвардия, 1964. – 368 с.
3. Брандес, Г. Шекспир. Жизнь и произведения / Г. Брандес // Гений в искусстве. – Москва: Алгоритм, 1997. – 734 с.
4. Винокур, Г.О. Биография и культура / Г.О. Винокур // Лингвистическое наследие XX века. – Москва: ЛКИ, 2007. – 97 с.
5. Кеми, К. Еще раз о «новом историзме» // Вопросы литературы. – 2003. – № 4. – С. 48-60.
6. Кох, М. Шекспир / М. Кох; с предисл. примеч. и доп. Н.И. Стороженко, проф. Моск. Ун-та. – Москва: В.Н. Маракуев, 1888. – [2], V, [3], 6 – 472 с.
7. Лотман, Ю. Биография – живое лицо / Ю. Лотман // Новый мир. 1985. № 2. – С. 228.
8. Маген, Ж.-М. Шекспир / Ж.-М. и А. Маген. – Ростов-на Дону: Феникс, 1997. – 447 с.
9. Морозов, М.М. Шекспир / М. Морозов // Жизнь замечательных людей. – Москва: Молодая гвардия, 1947. – 280 с.
10. Соболевская, О.В. Биография / О.В. Соболевская // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Под ред. А.Н. Николюкина. – М.: Интелвак, 2001. – С. 91–92.
11. Шайтанов, И.О. Шекспир / И.О. Шайтанов // Жизнь замечательных людей. – Москва: Молодая гвардия, 2013. – 474[6] с.
12. Шенбаум, С. Шекспир / Пер.с англ. А.А. Аникста, А.Л. Величанского; Вступ. ст. А.А. Аникста. – М.: Прогресс, 1985. – 432 с.

13. Эткинд, А. Новый историзм, русская версия / А. Эткинд. – НЛО, 2001, 47. – Электронный ресурс: Журнальный зал. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/47/edkin.html> – Дата доступа: 2.06.2018.
14. Barber, C.L. Shakespeare's Festive Comedy Shakespeare's Festive Comedy A Study of Dramatic Form and Its Relation to Social Custom. – Princeton University Press, 1959 – 265 p.
15. Burgess, A. Skakespeare / A. Burgess. – Da Capo Press, 2002. – 256 p.
16. Gallagher, C. Practicing New Historicism / C. Gallagher, S. Greenblatt. – University of Chicago Press, 2000. – 260 p.
17. Greenblatt, S. Renaissance Self-Fashioning: From More to Shakespeare / S. Greenblatt. – University of Chicago Press, 2005. – 332 p.
18. Greenblatt, S. Shakespearean Negotiations: The Circulation of Social Energy in Renaissance England / S. Greenblatt. – University of California Press, 1988 – 205 p.
19. Jardine, L. Reading Shakespeare Historically / L. Jardin. – Psychology Press, 1996. – 207 p.
20. Shapiro, J. A Year in the Life of William Shakespeare: 1599 / J. Shapiro. – Harper Perennial, 2006. – 432 p.
21. Tillyard, E.M.W. Shakespeares History Plays / E.M.W. Tilliard. – New York: MacMillan Co, 1946. – 336 p.
22. White, H. The content of the form. Narrative discourse and historical representation / H. White. – Baltimore; L., 1990. – 264 p.

ДАНИНЫ ГОСПОДАРСКИЕ «НА РЕЦЕ НА ЛОШИЦИ»

OWNERS' ALLOTMENTS "ON THE LOSHITSA RIVER"

Н.М. Новикова

N.M. Novikova

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

e-mail: dedal39@mail.ru

В статье дан обзор событий, связанных с началом формирования частновладельческого комплекса на берегах речки Лошицы. Приводятся сведения из жизни владельцев, непосредственно участвовавших в процессе перераспределения земли в Менском повете в период конца XV – начала XVI столетий.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское; Менский повет; Лошица; наградные пожалования; Богдан Заславский; дворянин господарский; Ходкевичи; Крымский юрт.

The article gives an overview of events associated with the beginning of the privately owned complex on the banks of the river Loshitsa formation. De-